

САМОВОЗРОЖДЕНИЕ РЕСУРСОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (ОСМЫСЛЕНИЕ ПОДЪЕМА 1950-х гг.)

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ashatan1985@mail.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор,
Ярославский филиал ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ имени А.С. Пушкина»,
Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: mr.kenaf2015@yandex.ru

JEL H 410; O 100; O 400

САМОВОЗРОЖДЕНИЕ РЕСУРСОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (ОСМЫСЛЕНИЕ ПОДЪЕМА 1950-х гг.)

Аннотация: В настоящее время многим становится понятно, что дальнейшее пребывание отечественной экономики в стагнации – серьезная угроза для ее существования. Для её спасения необходимы решительный слом стагнационного движения, его замена на восходящее, подъёмное. Но всем этим постановкам свойственны одна и та же черта, единый общий признак: ни одна из них не опирается на теоретическое осмысление и практический опыт уникального за весь послевоенный период яркого, триумфального пятнадцатилетнего экономического подъёма страны 1945-1960 годов. Необходимо воспользоваться собственным уроком.

Ключевые слова: экономический рост, общественное воспроизводство, затраты, цена, конечный продукт, совокупный общественный продукт, пресуществление, производительность труда.

SELF-REVIVAL OF RESOURCES OF ECONOMIC GROWTH (JUDGMENT OF RISE OF THE 50TH)

Abstract: Now it becomes clear to much that further stay of domestic economy in stagnation – serious threat for her existence. Resolute demolition of the stagnatory movement, his replacement on ascending, lifting are necessary for her rescue. But the same line, uniform general sign are peculiar to all these statements: any of them doesn't rely on theoretical judgment and practical experience of bright, triumphal fifteen years' economic recovery of the country of 1945-1960, unique for all post-war period. It is necessary to use own lesson.

Keywords: economic growth, public reproduction, expenses, price, final product, cumulative public product, implementation, labor productivity.

О поисках ключа в собственных карманах. Гипотеза экономического «бумеранга». В наши дни только ленивый не высказывается в том смысле, что дальнейшее пребывание отечественной экономики в стагнации – величайшая угроза самому существованию страны, что для её спасения непреложно, жизненно необходимы решительный слом стагнационного движения, его замена на поступательно-восходящее, подъёмное. Но всем этим постановкам свойственны одна и та же черта, единый общий признак: ни одна из них не опирается на теоретическое осмысление и практический опыт уникального за весь послевоенный период яркого, триумфального пятнадцатилетнего экономического подъёма страны 1945-1960 годов. Казалось бы, именно сейчас надо бы, следовало бы

и чрезвычайно важно всмотреться, каковы были движущие силы этого подъёма, с *nota bene*: когда и почему они оказались исчерпанными, есть ли возможности возобновить их весьма выраженное, даже мощное действие, что для этого надо делать в нашей сегодняшней экономике и т.д. Ведь подъём-то был свой, родной, не импортированный, чисто внутренний, вроде собственных карманов. Естественно соображение: а вдруг какие-то из «ключей» подъёма пятидесятых или сами подходят к «дверям» нашей нынешней экономики (а почему бы им и не подойти?), или же (если всё-таки не подойдут) материально «подскажут», как и чем её, эту нашу современную экономику, «отворять», «отпирать» на подъём. «Но тих был наш бивак открытый»: нам неизвестны какие бы то ни было ищущие конструктивные обращения к этому собственному же опыту, поисковые «ворошения» собственных карманов, хотя его вполне достоверные характеристики в экономической литературе имеются.

Они как раз и показывают, что, в отличие от острейшего ресурсного дефицита современной стагнации, первый, последний и единственный за последние семьдесят-восемьдесят лет экономический подъём (1945-1960 гг.), вне всякого сомнения, являет собой, прежде всего, беспрецедентное ресурсное чудо. Подлинным чудом было уже начавшее этот подъём восстановление из руин почти 30 тысяч уничтоженных предприятий, 2 тысяч городов, десятков тысяч мостов, сотен тысяч километров железнодорожных путей, дорог. И запредельно чудесным, до сих пор убедительно не объяснённым, стало изыскание ресурсов (для возрождения порушенного) всего за 2,5 года (а не за 70, как было рассчитано зарубежными специалистами) в изнурённой войной стране без какой бы то ни было зарубежной помощи.

Сама собой наращивается идея о существовании в то время в экономике особого, в наши дни потерянного или прекратившего действие, внутриэкономического способа (регулятора, «ключа», механизма, устройства) наработки ресурсов, ресурсной достаточности

Однотипная выработка требующихся экономике ресурсов происходила и далее на протяжении всех последующих лет подъёма. До его внезапного прекращения рождавшихся в недрах экономики ресурсов хватало на всё. И прежде всего – на поддержание ресурсами высоты траектории подъёма: на годовые приросты национального дохода и производительности труда по десять и более процентов. На расширение-укрепление материально-технического базиса подъёма: на создание тысяч новых предприятий, в том числе крупнейших даже с современных позиций «великих строек коммунизма». На «начинку» этого базиса: новую высокоэффективную технику, открывавшую новые возможности совершенствования производства с повышением эффективности, интенсификации, принципиальных структурных сдвигов, наконец, опережения экономики ведущих капиталистических стран и сокращения зазора с достижениями США. На выдающиеся свершения в социальной сфере с обширным жилищным строительством, яркими продвижениями науки, образования, здравоохранения, культуры и увеличением продолжительности жизни. И сверх всего этого – на ресурсный и научно-технический подвиг возведения мощного ракетно-ядерного щита, уже в то время оградившего страну от новой агрессии.

Поэтому авторы, рассмотревшие подъём 1945-1960 годов (В.Ю. Катасонов, Г.И. Ханин и другие), не жалеют для его характеристики самых высоких, щедрых оценок: «триумф», «огромные экономические и социальные достижения», «подлинный расцвет», «исключительно высокие темпы роста». Сейчас эти характеристики представляются невероятными, но за ними – строгие факты. «...За 1950-е годы, с точки зрения уровня жизни населения, появилась новая страна, свободная от нищеты и по мировым меркам обеспеченная...» [21]. И тогда мало кто сомневался, что на глазах всего мира СССР неотвратимо настигает его главную экономику – США.

И вдруг это стойкое, из года в год, само нарождение восходящего достатка ресурсов внезапно, по историческим меркам мгновенно, прекратилось. Откуда-то выскочила «как чёрт из табакерки» длящаяся до настоящего времени долгая (почти в шестьдесят лет) и провиденная нашим

Минэкономики вперёд ещё на 20 лет [20] полоса «экономики сжатия» (термин Я.М. Миркина), нарастающей дефицитности ресурсов. Сначала – просто как падение приростов производительности труда общественного продукта, национального дохода. Но уже в позднем СССР возобладала типично стагнационная ситуация близких к нулю темпов, сопровождаемых инфляцией, далее вполне, развёрнуто и безоглядно унаследованная экономикой РФ. Получается Большая стагнация. Причём весь этот период, особенно советская его часть, отмечен непрерывными поисками путей возвращения к восходящей экономике экономического подъёма. Вряд ли удастся назвать сейчас экономический показатель, инструмент хозяйствования, не подвергавшийся тем или иным (порой неоднократным) попыткам совершенствования, реформирования. Однако «отжать» эти тенденции и признаки стагнации не удавалось, с течением времени они только усиливались. Не помог и формационный поворот. Страна продолжала и продолжает утрачивать свои позиции в мировой экономике, её народное хозяйство функционирует, как говорилось на недавнем совещании в Правительстве по макроэкономическому прогнозу на 2018-2020 годы, в условиях «жёстких ограничений по капиталу, технологическому компоненту», «технологического отставания в ряде отраслей», «в условиях жёсткой экономии ресурсов» [19].

Мы выдвигаем следующую рабочую гипотезу. На протяжении всего периода подъёма пятидесятых в экономике были, функционировали отношения, превращавшие потребление ею ресурсов в создание новых, их умножение, самовозрождение, как бы «бумеранг» их расходования, что и обеспечивало непрерывность подъёма. То есть она обладала качеством особой сверхнарабатываемости, самонарождения ресурсов. Но по ходу подъёма пятидесятых это пятнадцать лет безупречно «работавшее» регулирующее качество ресурсного «бумеранга» вдруг каким-то образом отпало, оказалось утерянным, и отечественная экономика – поздняя советская, а затем, в особенности, и современная российская оказались не только лишёнными этого рычага восхождения, но и во власти сил «экономики сжатия».

Настоящая публикация продолжает статью в ранее вышедшем журнале «Теоретическая экономика» №6 за 2016 год. Она выносит на обсуждение ряд новых, там отсутствовавших и, нам представляется, весьма значимых положений и выводов. Однако эти новые разработки не будут понятны без опоры на ранее обосновывавшиеся рассуждения, а они другими авторами пока ещё нигде и никем не повторялись, дискуссии по ним не было и нет, и поэтому на память читателей у нас нет оснований рассчитывать. Поэтому сразу оговариваем: у нас нет иного выхода, кроме как повторить в контексте нашей только что выдвинутой гипотезы ряд идей указанной статьи.

О повышении производительности труда и их «пресуществлении» как экономическом «бумеранге». Длительные бесплодные попытки совершенствований, реформаций экономики, их обсуждения в обширной экономической литературе, конечно, сужают места, зоны возможного местонахождения предположенного экономического «бумеранга». Однако, вполне очевидно, что он не может быть изолирован от повышений производительности труда, которые, вероятнее всего, каким-то образом всё же входят в гипотетический «бумеранг», образуют его часть. Это соображение заставило шире взглянуть на литературу, посвящённую производительности труда. Стало понятным, что, при всей её необозримости, в ней имеется значимый пробел. В современной экономической литературе нам не удалось найти чётких разработок, показывающих, как повышения производительности вообще трогаются со своих мест в непосредственных процессах производства и переходят в другие сферы экономики, а особенно в сферу общественного воспроизводства (о её важности в данном контексте см. далее). И наша гипотеза «бумеранга» сразу оказалась под угрозой. Действительно, как можно выявлять возврат социуму ресурсов повышения производительности, если неизвестно, каким образом вершится прямое исходное движение «бумеранга» из зоны «реакторов» повышения производительности в другие сферы экономики?

Однако здесь нас поджидала неожиданная удача. Оказалось, что этот вопрос, не отягощённый

особым вниманием современных авторов, был К. Марксом не только выделен, но ещё и вызывал у него вопрос относительно понимания важности-значения данного вопроса читателями его «Капитала». К. Маркс задался им в несколько иной редакции: каким образом то, что предпринимается с товаром на предприятии во время (в процессе) его производства, становится принадлежностью, акцией всей экономики, общественным деянием. Но, учитывая место роста производительности труда в экономической теории Маркса, можно смело утверждать, что именно её классик и имел в виду в первую очередь, почему вставшая перед нами трудность полностью снимается, закрывается рассматриваемой научной разработкой (можно сказать, развёрнутым теоретическим тезисом, конструктом, модусом) классика.

Этот его конструкт содержательно означает: всё, предпринимаемое с товаром при его производстве, в том числе рост выработки, снижение трудоёмкости, издержек и даже индивидуальной стоимости единицы изделия, само по себе не имеет ни наималейшего общего экономического значения. Они тогда, только и единственно тогда становятся атрибутами экономики в целом, когда: а) запечатлеваются в продажной цене и, главное, б) проданы по этой цене.

По-видимому, научное предчувствие подсказывало К. Марксу, что его ученики и последователи могут не заметить, не увидеть, не оценить его модуса. Только этим, только боязнью поверхностного, беглого, не вникающего прочтения можно объяснить уникальную, единственную в его научном наследии ситуацию, когда атеистически мыслящий классик своему научному достижению вдруг дал ... богословское наименование, а именно – «пресуществления» (в христианстве – таинство евхаристии: превращения обычных хлеба и вина в тело и кровь Христовы). То есть категоричность, непререкаемость, значимость логики своего модуса Маркс доводит до сознания читателя не только прямыми разъяснениями, но даже при помощи известного религиозного образа: подобно тому, как хлеб и вино обретают святость единственно, исключительно, только в христианском пресуществлении, повышения производительности и вообще всё, придаваемое товару его производством, получают общественную значимость только в итоге его экономического «пресуществления», – его продажи (см., например: [2-8]).

Казалось бы, это всего только вариация коренного всем известного и в этом смысле азбучного положения марксизма об общественности товара в итоге его обмена на деньги. Но здесь акцент сделан на обрывности, прерывании, возобновлении отношения. Для занятых повышением производительности оно может состояться, но может и не состояться, и в этом последнем случае повышения производительности, не покидая пределов предприятия, не получают никакого общественного внимания и признания, могут утрачивать устойчивость, определённости, деградировать, рассеиваться. Становится понятным, что это вроде бы малозаметное теоретическое новшество имеет громадное практическое значение. И если только мы вооружаемся концептом К. Маркса «пресуществления», сразу же по-новому предстаёт вся наша послевоенная экономическая история.

Она неожиданно оказывается поделённой на две неравные части. На ту, в которой повышения производительности труда «пресуществлялись», переходили в экономическую систему в целом и в её общественное воспроизводство, и ту, где такой акции не было, где производительность труда оставалась, оказывалась экономически запертой на предприятиях, где она всего лишь имела место, не пройдя в общественное воспроизводство. Опасения классика, к сожалению, сбылись. Только команда И.В. Сталина последовала практически концепту К. Маркса – экономического «пресуществления» в облике своей «экономики снижающихся цен», действовавшей на протяжении всего подъёма пятидесятых. Последующие руководители страны, можно утверждать, его даже не заметили, никак на него не отреагировав и отказавшись от «экономики снижающихся цен», от «пресуществления». Опять же вдруг, сразу приходит понимание, мысль о внутренней закономерной связи экономического «пресуществления», во-первых, с экономическим подъёмом пятидесятых и, во-вторых, с нашей

гипотезой «бумеранга».

Сначала о «во-первых». Совпадение «пресуществления» (сталинской «экономики снижающихся цен») с нашим уникальным экономическим подъёмом, нарастающим достатком ресурсов ещё могло бы представиться случайностью, если бы оно было «парусом одиноким». Однако даже беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться: перед нами – целая флотилия из переходящих одно в другое совпадений. Второе совпадение – прямое продолжение первого: демонтаж сталинской «экономики снижающихся цен» с прекращением «пресуществления» совпали со сломом восходящей подъёмной траектории, моментальным переходом к «экономике сжатия», стагнации. Наконец, третье совпадение: вся почти восьмидесятилетняя «экономика сжатия» совпадает с прямой противоположностью «пресуществления»: с функционированием предприятий без передачи этими предприятиями достигнутой индивидуальной производительности труда социуму, но переформированием её в свою индивидуальную, частную прибыль, сверхприбыль. Считать всё это случайностями было бы, нам думается, издевательством над наукой.

Уже единичное совпадение навлекает известный афоризм А. Эйнштейна: «При помощи совпадений Бог сохраняет анонимность». А в показанной множественности совпадений закономерность заявляет о себе непреложно и доказательно. Становится очевидным, что проводимое И.В. Сталиным «пресуществление» неправильно воспринималось общественностью как, преимущественно, способ повышения жизненного уровня народа. В действительности, как незыблемо устанавливают совпадения, его «экономика снижающихся цен» обладала не одним только потребительским, а, главным образом, производительным назначением. Она обеспечивала передачу «пресуществлённых» повышений производительности труда (через понижения соответствующих цен производимых товаров) структурам общественного воспроизводства, концентрирующих ресурсы социума, и привела в движении всё ещё неизученные процессы, которые (как доказала практика наших пятидесятих), никем не выявленным до сих пор образом генерировали этот экономический подъём. Наша гипотеза «бумеранга» начинает получать объективные основания. И теперь необходимо проследить, какие именно процессы начинают работать при движении «пресуществлённых» повышений производительности труда в I подразделении.

I подразделение отобрано потому, что, во-первых, оно концентрирует решающие производственные ресурсы социума: в схемах реализации Маркса это все средства производства и $\frac{2}{3}$ всего живого труда. Во-вторых, эта воспроизводственная совокупность обладает особо выраженным собственным движением, не раз привлекавшим внимание исследователей: годичным кругооборотом «производства средств производства для средств производства». «Кольцо» кругооборота открывает у Маркса функционирующий капитал 6000 в составе 4000 средств производства и 2000 живого труда (оплаченного и неоплаченного). Они трансформируются в 6000 продукции, $\frac{2}{3}$ которой (4000) возвращаются в создавшие их предприятия, возмещают в том же году израсходованные средства производства. В-третьих, именно I подразделение более всего проявляет взаимодействие общественного воспроизводства с ростом производительности труда.

В экономической литературе распространено суждение, что К. Маркс в своих схемах реализации отвлёкся от повышений производительности труда. Оно верно лишь в том смысле, что он не показывает их при демонстрации законов реализации. Но его схемы остаются продуктом проникновения повышений производительности в тот же самый кругооборот. В нём – более высокое органическое строение, которое могло сложиться только как итог участия повышений производительности. Поэтому вполне в традициях самого К. Маркса предпринимаем попытку моделирования «пресуществления» предположенного нами крупнейшего повышения производительности труда, когда I подразделение (соответственно этому предположению) вследствие роста выработки и снижения трудоёмкости производства того же самого (в натурально-вещественном выражении) общественного продукта потребовало, вместо 2000, всего только 1000 нового живого труда, и его продукция стала стоить не

$6000 = 4000 + 2000$, а $5000 = 4000 + 1000$. Попытаемся обобщённо проследить путь «пресуществлённого» повышения производительности в кругооборот I подразделения. А он непростой и состоит минимум из трёх основных стадий, на каждой из которых создавались свои особые основания подъёма пятидесятых.

Первые стадии экономического бумеранга. Первая стадия заключалась собственно в уменьшении предприятиями своих себестоимости-цены. Подъём пятидесятых устанавливает и доказывает, что эта стадия сопровождалась стимулированием на предприятиях НТП, созданием ими новой техники, технологий, прекратившееся с отменой «пресуществления». Сейчас с позиций исторического опыта достаточно очевидно, что фактически шло не заявленное, невидимое и мало кем замеченное мировое соревнование стимулирующих потенциалов советского «пресуществления» и капиталистической системы стимулирования НТП посредством прибыли-сверхприбыли. Именно они соревновались на деле, хотя советские экономисты и руководители после ухода из жизни И.В. Сталина не видели этого, ибо связывали успехи СССР в НТП не с советским «пресуществлением» («экономикой снижающихся цен»), о котором они ничего не знали (не захотели знать?), а с фактом господства общественной собственности. И советское «пресуществление» уверенно побеждало. Динамика показателей эффективности в сравнении с капиталистическими странами была выигрышной, почему вполне определилось как вопрос непосредственно предстоящего будущего весьма скорое опережение США. Стимулирование понижением (соответственно повышению производительности) себестоимости-цены не могло не побеждать, ибо оно было множественным, многократным и, главное, как свидетельствует совокупность фактов, по итогу действенно захватывало куда большие массы людей, нежели стимулирование прибылью-сверхприбылью.

Конечно, оно заключало премиальный момент выполнения заданий. Имело значение также экономическое принуждение, жесткие сроки выполнения заданий. Но современники говорят об огромном энтузиазме всего населения, вызывавшимся невиданными при капитализме снижениями цен. Он, безо всякого сомнения, наполнял-обогащал премиальный и принудительный стимулы, добавлял им стимулирующей силы. А ещё в сфере производства снижение цен присоединяло к перечисленным стимулы пробуждаемого ими морального износа оборудования. Тем не менее стимул низкой цены практически отсутствует в экономической литературе, хотя миллионы людей сегодня ходят по магазинам в её поисках.

Этой помноженности сил стимулирования, концентрируемой уменьшениями цен, противостояла органическая, давно выясненная скудость рыночного стимулирования, о которой недавно ещё раз напомнил в официозе Правительства один из самых его популярных и читаемых авторов. «Все социологические замеры (накоплен их огромный объём), показывают, что только 8-12 процентов населения готовы быть в «свободном плавании», действовать независимо, с рисками... Остальные 80-90 процентов населения – это люди в разной степени, но всё же вертикального подчинения...» [11]. И это большинство в подъём пятидесятых побеждало в мировом масштабе. И вдруг, «рассудку вопреки, наперекор стихиям» руководство страны вдруг, тихо, без общественного обсуждения в пику партийным решениям своих же съездов внезапно демонтирует побеждающую (!), идущую к полному триумфу «экономике снижающихся цен».

Тут не просто отворот от знаменитого афоризма Екатерины II («победителей не судят»). Это – практически никем не замеченный коренной излом всемирной истории, вспять от 1917 года. Судьбы советского социализма были определены здесь. Так, загоревшаяся, подожжённая «экономика сжатия» должна была привести (и привела) к дискредитации породившего её социализма и к его краху.

Сменившая первую вторую стадия советского «пресуществления» пятидесятых годов состояла в обновлении вновь произведенными «пресуществлёнными товарами состава воспроизводственных структур I подразделения по стоимости и по натурально-вещественной форме. Итогом было всё ещё недостаточно изученное совершенствование воспроизводственных пропорций как фактора усиления

подъёма. Так, общее соотношение между живым и овеществлённым трудом изменялось в пользу живого. Это поспособствовало тому, что именно в период подъёма пятидесятых у нас, по всеобщему признанию, были самые благоприятные за весь послевоенный период показатели воспроизводства основного капитала. Таким образом, техническое превосходство, создаваемое первой стадией советского «пресуществления», получало на второй стадии воспроизводственные «ноги». На третьей же стадии экономической подъём получал силу и энергетику необходимости, неизбежности.

Третья стадия. Экономический подъём как неизбежность. Неизбежность экономического подъёма, как мы уже показывали в «Теоретической экономике» год назад, создаётся ассимиляцией внутренними кругооборотами I подразделения «пресуществлённых» (введённых в общественное воспроизводство) повышений производительности труда, возвращением как бумеранга – общественным воспроизводством затраченных ресурсов и получающимся умножением ресурсной базы экономики. Мы не сомневаемся, что эта математически сильная логика теории реализации К. Маркса была принципиально постигнута И.В. Сталиным, что и нашло отражение в триумфальном экономическом подъёме пятидесятых. Повторим наши рассуждения, продолжая уже начатый выше пример.

Натурально-вещественно продукт I подразделения – прежний, и поэтому по-прежнему его $\frac{2}{3}$ направляются вспять для восстановления израсходованных средств производства. Но теперь это будут не $\frac{2}{3}$ от $6000=4000$, а $\frac{2}{3}$ от $5000=3333,3$. Но там, в сфере функционирующего капитала, и не ожидают прежних 4000. Ввиду экономии живого труда объемом в 1000 там развёртывается весьма сложный процесс высвобождения средств производства, обеспечивавших занятость сэкономленного живого труда. И поэтому 3333,3 вполне обеспечивают сузившуюся в них потребность, а $4000-3333,3=666,7$ переходят в свободный ресурс социума. И здесь нам в одном определённом пункте следует выйти за пределы абстракций схем реализации классика.

У К. Маркса срок функционирования основного капитала условно приравнен к году. Конечно же, реально основной капитал, содержащийся в 666,7, служит ряд лет и вполне в состоянии длительно использоваться. Он как бы добавляется к уже высвобожденным 1000 живого труда, и это – только начало процесса высвобождения социуму уже использованных им ресурсов. Последующие кругообороты I подразделения продолжают и даже усиливают эту работу «бумеранга». Очередной кругооборот таким же образом высвободит 444,5 средств производства, следующий – 296,3 и так далее по закону убывающей геометрической прогрессии. Прямые расчёты выявляют, что всего в «кольце» I подразделения высвобождается (в пределе) 2000 средств производства и, вдобавок, 1000 в ветви движения, отходящего из I во II. Итого 3000 высвобожденного овеществлённого труда на 1000 сэкономленного живого, или 300 процентов. Эту цифру можно получить и без прямых расчётов по кругооборотам, просто исходя из органического строения производства. Она носит выраженно премиальный, подарочный характер экономике, повышающей производительность труда, но повышающей её только и исключительно с использованием её «пресуществления». Выявленный «бумеранг» означает двойное (как бы помноженное) действие одних и тех же повышений производительности труда. Иначе, без «пресуществления», «бумеранг» ресурсов (с их двойным действием) невозможен, перекрыт.

Правда, в использованном числовом примере трёхсот процентов нет ни в одном году. Самая высокая годовая премия средствами производства 66,7%. Но это – потому, что рассматривалось лишь одно как бы изолированное годовое повышение производительности труда, давшее шлейф высвобождений средств производства во все последующие годы. Но таких изолированных повышений не бывает. В реальной экономической действительности годовые повышения производительности следуют одно за другим, их шлейфы объединяются, суммируются. В нашем числовом примере получающийся общий единый годовой уровень премирующих поступлений неизбежно приближается к тем же трёмстам процентам: немислимой, фантастической величине для большой страновой

экономики. При таком «бумеранге» ресурсов экономического подъёма просто не может не быть.

Сейчас это не просто себе даже вообразить, но затраченные в производстве ресурсы возвращаются в итоге своего использования в свои производства их новой, ранее не существовавшей ресурсной производящей силой, множащей исходный рост производительности, отображаясь не в принятых учёте, статистике, а в движении воспроизводственных совокупностей. Практика подъёма пятидесятых доказала, что И.В. Сталин тем не менее видел ситуацию и достаточно верно руководил ею.

Рассматриваемый эффект бумеранга ресурсов сейчас может представиться и неожиданным, и необычным, но теоретически в нём нет ничего чудесного и даже принципиально нового. Это применение весьма обычной экономической логики в её классическом варианте – всего только воспроизводственная проекция, развёртка экономического содержания повышения производительности труда. В отличие от повышения интенсивности труда, при росте его производительности нагрузки на работника не растут (повышения выработки достигаются изменениями в процессах труда), тем самым с высвобождением живого труда обязательно выводятся из производства и средства его занятости. Но только при «пресуществлении»: без «пресуществования» процесс утрачивает определённость.

Однако сказочная величина выявленного эффекта и его целевая направленность выводят его за пределы одних только обычных экономических отношений, ставят перед исследователями не только собственно экономические, но также и более широкие мировоззренческие, философские вопросы. Первый из них: кто столь щедрый даритель?

Ответ на виду: эффект творится устройством и движениями того высшего народнохозяйственного уровня общественного воспроизводства, которые научно обобщены К. Марксом в его теории совокупного общественного продукта и его реализации. А таковые созданы, конечно же, самой Природой в комплекте обязательных факторов, естественных сил бытия, существования общественного человека. И здесь неизбежно возникает второй вопрос: зачем, почему Природа, нимало не отходя от естественной детерминации своих действий, столь явно способствует повышению производительности труда, так что воспользовавшаяся установленным Природой «коридором» команда И.В. Сталина оказалась близка ко всемирной экономической победе?

На этот вопрос, нам представляется, наука сейчас полного ответ дать не может, хотя общий подход к такому ответу, как мы уже писали, уже определен установлением (С.А. Подолинским) факта специфической уникальности производительности живого человеческого труда. Во всей известной нам Метагалактике производительность труда – единственный негэнтропийный процесс, не рассеивающий, а сосредотачивающий энергию. Вполне понятно, что Природа, создав этот уникальный процесс в указанном комплекте естественных сил бытия общественного человека, вполне не только могла, но и должна была озаботиться, подготовить наиболее оптимальные пути его естественной же детерминации, осуществления. Подъём пятидесятых показал, что Природа выполнила свою часть «работы», социум обладает экономическим бумерангом возврата, кратного использования своих ресурсов, регулирующим введение народного хозяйства в экономический подъём. Но свою часть пути должен пройти и социум: научно смоделировать ситуацию и практически выстроить её элементы так, чтобы максимизировать рассмотренный эффект. Именно так поступили И.В. Сталин, его команда. И.В. Сталин завещал сохранить, развивать найденные решения. Но у преемников генералиссимуса сил придерживаться их хватило лишь на пять лет (на протяжении которых подъём, кстати, продолжался как и при жизни вождя). На изломе пятидесятых «экономика снижающихся цен» внезапно, можно сказать, в одночасье была свёрнута, демонтирована, и страна сразу оказалась в совершенно иной, противоположной хозяйственной реальности «экономики сжатия», в которой объективные экономические процессы подавляют, изглаживают возможности не только экономических подъёмов, но и оживлений.

Сразу же, фактически – вдруг, несмотря на государственную собственность, считавшуюся

вершинным выражением социального прогресса, остановилось научно-техническое развитие, так и оставшееся на уровне пятидесятых годов. Воспроизводственные пропорции оказывались неблагоприятны для эффективности производства, создания новых рабочих мест [12]. Наконец, мы выявили, что инфляция как диаметрально противоположность «пресуществления», привела к такому перерождению кругооборотов I подразделения, при котором они невидимо функционируют противоположным образом: вместо высвобождения живого труда и средств производства затягивают (в течение всего периода Большой стагнации) для производства того же продукта новые, добавочные ресурсы, разрушает часть фонда возмещения, подвергая её неиспользованию и деградации [1], поддерживая и усиливая уже признаваемый Правительством дефицит стимулирования повышений производительности труда [19].

Перед нами – объективная хозяйственная ситуация, диаметрально противоположная «пресуществлению» К. Маркса, слиянию повышений производительности труда с общественным воспроизводством и самовозрождению расходуемых ресурсов. В ней вместо снижения цен соответственно росту производительности – их повышение, переводящее экономику в режим снижения производительности с утратой стимулов её роста. Вместо экономии самим воспроизводством ресурсов – их растрата. Вместо умножения ресурсной базы через возврат используемых ресурсов в собственное производство – «порча» даже фонда возмещения [1]. Элементы этой ситуации столь неотделимо «тянут» друг друга, что вот уже почти шестьдесят лет легко перетягивают все попытки властей, ухватившись за один из них, перевернуть её.

Нам представляется, что пора извлечь уроки из столь длительного собственного опыта. «Ключи» ситуации всегда были, оставались в наших карманах. Мы совершенно добровольно «заперли» восходящую подъёмную траекторию и получили то, что получили, – Большую стагнацию. Но ключи-то по-прежнему у нас. Почему бы не воспользоваться ими? Ибо подлинным выходом может быть только экономическое «пресуществление», но не как возврат к прошлому, а как движение в будущее на основе всех завоеваний минувших шести десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Теоретическая экономика. 2015. № 6 (30). С. 8-15.
2. Алексеева Н.А. Малый бизнес в системе общественного воспроизводства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ивановский государственный университет. Иваново, 2012.
3. Алексеева Н.А. Малый бизнес в системе общественного воспроизводства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ивановский государственный университет. Ярославль, 2012.
4. Алексеева Н.А. Новая концепция исследования современной экономической системы / Н.А. Алексеева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1. С. 1-4.
5. Алексеева Н.А., Корняков В.И. Дирижизм и воспроизводственный поворот / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Теоретическая экономика. 2015. № 1 (25). С. 24-35.
6. Алексеева, Н.А., Корняков, В.И. Схемы, законы реализации: экономическая пластичность, более широкие действия и применения / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. - № 7 (23). – 2014. – С. 33-45.
7. Алексеева, Н.А., Корняков, В.И. Оклассическом уровне теории общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории

и практики. – № 1 (18). – 2012. – С. 7-19.

8. Алексеева, Н.А., Корняков, В.И. О классическом уровне теории общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – № 2 (17). – 2011. – С. 8-17.

9. Вахрушев Д.С. Инновационная среда как значимый фактор формирования инновационной экономики: институциональный подход / Д.С. Вахрушев // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1. С. 5-8.

10. Вахрушев Д.С. Противоречия переходной экономики России и механизм их решения / Д. С. Вахрушев // Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Ярославль, 2000.

11. Миркин Я. М. Наша жизнь – эксперимент над собой / Я.М. Миркин // Российская газета. 04.08.2017. С.3.

12. Корняков В.И. Воспроизводство как поток единой субстанции: зависимости, модель, объёмные структуры / В.И. Корняков // М.-Ярославль, 2000. – 220 с.

13. Корняков В.И., Алексеева Н.А. Застраховаться от нео-неоиндустриализации / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. 2013. № 2 (86). С. 121-126.

14. Корняков В.И., Алексеева Н.А. Экономическое содержание объёмных структур общественного воспроизводства / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 175. С. 381.

15. Корняков В.И., Алексеева Н.А. Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. 2014. № 4 (94). С. 119-126.

16. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им? / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. № 4. С.108- 126.

17. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. Инновационный Маркс: новые подходы к общественному воспроизводству / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2016. № 10 (26). С. 69-79.

18. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. О необходимости восстановления естественного ресурсного регулирования общественного воспроизводства / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2016. № 10 (26). С. 51-68.

19. Кузьмин В. Собственных сил хватит. Для роста экономики нужны инициативные люди / В. Кузьмин // Российская газета. 31.08.2017. С.2

20. Минэкономразвития прогнозирует еще 20 безресурсных лет стагнации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsii>

21. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые [Электронный ресурс] URL: <http://saint-juste.narod.ru/hanin.htm>